

Мы выявили, что средний класс в регионе по совокупности признаков самоидентификации, доходу не является основным в социальной структуре. Действие ограничительных моментов приводит к тому, что общественные лифты действуют в отношении зажиточного или богатого класса, а для остальных слоев общества снижается уровень благосостояния, и, соответственно, возможность перейти в высокий общественный слой. Но, тем не менее, данную прослойку составляют активные молодые люди, предприимчивые, рациональные, осознающие право на сохранение своих прав и свобод, материальный комфорт, как правило, это те, кто совмещают работу с учебой и зарабатывают на жизнь своим собственным трудом. У них долгосрочные стратегии: прочность своих позиций и право передавать детям заслуженное положение в обществе для них важнее сиюминутных удовольствий.

Для того, чтобы повысить самооценку представителей среднего слоя среди современной молодежи необходимо понизить воздействие причин, сдерживающих переход людей из низких слоев в более высокие. Главное обстоятельство, которое удерживает подъем среднего класса – это низкая степень материального обеспечения, затрудняющая доступность к всевозможным потребностям личности. Для выделения «среднего класса» в традиционном его значении, в России необходимо изменить разрыв между слоями богатых и бедных, обеспечить доступное образование, укрепить положение малого и среднего бизнеса, установить нормативные фонды оплаты труда.

Список литературы

1. Вебер М. Основные понятия социальной стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
2. Григорьев Л., Салмина А., Кузина О. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. М. : ЭкономИнформ, 2009. 148 с.
3. Кузнецова Е. Средний класс: западные концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 19–28.
4. Гавров С. Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М. : МГУКИ, 2002.
5. Аврамова Е. М. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. М. : Гендальф. 2003. 301 с.
6. Психология и бизнес. URL: [http:// www.psycho.ru/library/1202](http://www.psycho.ru/library/1202)

ВЛАСТЬ И ЦЕРКОВЬ В АСТРАХАНСКОМ КРАЕ В 1920-е гг.

А. В. Сызранов, О. В. Шарова

Астраханский государственный архитектурно-строительный университет, г. Астрахань (Россия)

Одним из первых декретов советской власти стал декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви (23 января 1918 г.). Этот декрет

от 23 января 1918 г. был воспринят РПЦ как законодательная основа гонений против нее. Иерархи Церкви сочли этот документ неприемлемым для русского православия, поскольку понимали, что первой под удар должна попасть православная Церковь, как официальная Церковь старой России. Поэтому 25 января 1918 года, вслед за декретом советской власти было опубликовано постановление Поместного Собора Русской Православной Церкви, в котором говорилось, что изданный Советом Народных Комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собою, под видом закона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви, акт открытого против нее гонения.

В Астрахани по призыву Собора началось массовое религиозное движение в защиту Церкви от притеснений. Вместе с тем светской властью был создан ряд комиссий по претворению в жизнь декрета от 23 января 1918 г. Деятельность церковного движения была мало результативной, к началу 20-х гг. XX в. две трети недвижимости, принадлежавшей епархии была национализирована. Из-за начавшихся финансовых проблем остро встал вопрос о закрытии всех епархиальных духовных учебных заведений. В эти годы в Нижнем Поволжье было полностью уничтожено церковное образование. Все церковные учебные заведения были закрыты или обращены в светские.

Одной из центральных проблем начала 1920-х гг. стал голод в стране. Летом 1921 года в Поволжье, Приуралье, на Кавказе, в Крыму, на юге Украины разразилась засуха, последствием которой был крайне низкий урожай. В 34-х губерниях России царил голод, к концу 1921 года голодало уже 23,2 млн. человек. В связи с этим, несмотря на сложность отношений с Советским правительством, Русская Православная Церковь пришла на помощь голодающим. В православных храмах начался сбор средств на помощь голодающим. Но вскоре активная деятельность Церкви по оказанию помощи голодающим стала беспокоить руководство страны. В советской прессе постепенно стала проводиться мысль о необходимости полного изъятия церковных ценностей. Населению навязывалось мнение, что «неисчислимы богатства Церкви» могут накормить не только всех голодающих, но и вывести страну из разрухи. 23 февраля 1922 г. ВЦИК издает постановление об изъятии всех без исключения церковных ценностей в пользу голодающих, мотивируя свое решение тем, что Запад соглашался поставлять хлеб только в обмен на культурные, исторические и религиозные ценности России.

В Астрахани первые мероприятия по изъятию церковных ценностей были проведены в марте 1922 г. 16 марта в городе была создана комиссия по изъятию церковных ценностей под председательством заведующего отделом юстиции Ларионова. 25 марта 1922 г. комиссия объявила «о неделе изъятия церковных ценностей». Опасаясь выражения недовольства со стороны верующих и того, что «притаившаяся контрреволюция, несомненно, постарается раздуть религиозный фанатизм в своих интересах», комиссия

через местную газету «Коммунист», обращаясь к людям, заявляла, что «неделя церковных ценностей – не глумление и не гонение на церковь со стороны большевиков». Было объявлено, что в Астрахани прием ценностей будет происходить по средам, четвергам и пятницам, в здании бывшего Государственного банка [1, с. 75–76.].

Два с половиной месяца работала Губкомиссия под руководством Ларионова, изъяв за это время 26 пудов, 30 фунтов, 16 золотников и 19 долей церковных ценностей. Работа комиссии была признана Губисполкомом весьма слабой, вследствие чего был назначен новый председатель комиссии – бывший губпрокурор Сапрыкин, которому поручалось произвести дополнительное изъятие церковных ценностей. Это дополнительное изъятие было объявлено заданием, которое комиссия должна была провести в кратчайшие сроки. Всем церковным советам в приказном порядке было предложено предоставить в комиссию описи всех имеющихся у них церковных ценностей. Теперь изъятие происходило таким образом: комиссия уведомляла церковные советы секретными повестками о времени прибытия своих представителей, которые и производили изъятие в присутствии церковного совета. Как заявили члены комиссии, ни в одном храме они не встретили сочувствия среди духовенства и церковных советов, но и открытого сопротивления изъятию нигде не встречалось. Только в двух храмах — Введенском и Покровском – члены комиссии встретили открытое недоброжелательство со стороны прихожан.

До 10 июля 1922 г. вторая Губкомиссия при дополнительном изъятии церковных ценностей из всех церквей города Астрахани изъяла еще 130 пудов, 29 фунтов, 93 золотника и 95 долей, с множеством драгоценных камней (бриллиантов, алмазов, рубинов, жемчуга и пр.). Все изъятые церковные ценности направлялись Губкомиссией в кладовую Губфинотдела, а оттуда в центр — Гохран (Государственное хранилище в Москве). Но и после 10 июля губкомиссия не завершила свою работу. В описях, представленных церковными советами, находились различные несоответствия, которые объявлялись как намеренное сокрытие церковных ценностей. Так, по Астрахани было возбуждено 23 уголовных дела по обвинению церковных советов в сокрытии и хищении церковных ценностей, утвари и сокрытии описей церковного имущества, составленных до 1918 года. Губкомиссия по изъятию ценностей была распущена только 21 ноября 1923 г. [2, л. 3–6].

Церкви были ограблены, многие представители духовенства арестованы и по несколько месяцев выдержаны в местной тюрьме. 12 июня 1928 года в Астраханский горсовет поступил доклад о состоянии церквей и культимущества г. Астрахани, где говорилось: «... в результате обследования изъято от религиозных общин помимо других предметов культимущества около 50 пудов лома меди, в том числе медной монеты царской чеканки – 1 пуд, 35 фунтов и 32 фунта 34 золотника лома серебра и передано в Госфонд» [3, л. 3–6]. В результате обследований православных храмов,

провинившихся в течение 1929-30-х гг., изъяли еще то, что было не собрано ранее. Далее пошло массовое закрытие храмов с полным изъятием всего их имущества.

Уже в 1918–1919 гг. советская власть стала активно прибегать к репрессиям против православного духовенства и простых прихожан. Нижнее Поволжье в этом плане не стало исключением. Самым распространенным обвинением было «участие в контрреволюционной деятельности». Многие осужденные священнослужители и миряне были приговорены к расстрелу. В Астраханской епархии имели место случаи, когда представители и местных властей пытались принудить священников к нарушению церковного права. В течение Гражданской войны репрессии усилились. Наиболее печальной была судьба священнослужителей, оказавшихся на территории, занятой частями белой армии, и при отступлении белогвардейцев автоматически попадавших под суд. Священнослужители, покинувшие такие территории, разыскивались по всей России с целью установления их виновности перед советской властью. Строже подходили представители органов власти к тем священнослужителям, которые в силу различных причин скрывали факты своего рукоположения в духовный сан.

По мере изменения внутриполитических приоритетов Советского правительства изменялась и содержательная характеристика тех обвинений, которые предъявлялись властями духовенству и мирянам. Общая тенденция обвинений «в контрреволюции» сохранялась, детализировались направления контрреволюционной деятельности: отношение к советской власти и Красной Армии, сокрытие принадлежности к духовному званию, так называемые «экономические преступления» и пр. Многие дела на священнослужителей фабриковались по ложным доносам, зачастую ложность обвинений доказывалась судом, обвиняемого освобождали.

В трудные голодные годы становления советской власти многие священники приспособивались к условиям жесткого нормированного распределения продовольствия и, руководствуясь стремлениями прокормить свою, как правило, многодетную семью, совмещали священнослужение с работой в советских учреждениях. Особенно распространилось такое явление среди сельского духовенства, которое в сельской массе населения было предпочтительнее для работы в органах местной администрации в силу грамотности и образованности клириков. Пользуясь ситуацией, некоторые священники Астраханской епархии не просто совмещали духовную должность со светской, но и «умудрялись» занять несколько светских должностей в селе с целью получения нескольких продовольственных норм пайка.

Удалось установить, что только в период с лета 1923 г. по начало 1924 г. преследованию местных органов власти подвергалось 10 городских и сельских священнослужителей. Дополнительно об этом свидетельствует сохранившаяся в Государственном архиве Астраханской области докладная

записка, поданная 24 сентября 1924 г. архиепископом Фаддеем (Успенским) и группой астраханских священнослужителей в Президиум астраханского губисполкома [2, л. 10].

Архивы Астраханской области хранят документы 1922–1924 гг. о делах в отношении епархиальных священников и мирян, которые обвинялись или привлекались к ответственности по политическим вопросам. Так, протоиерей Василий Наследышев в 1922 г. и священник Иоанн Болтинский в 1923 году были под следствием за «созыв нелегального собрания», а протоиерей Василий Смирнов в 1923 г. арестовывался по подозрению в так называемой «антисоветской деятельности».

Среди архивных документов, датируемых первым десятилетием советской власти, имеется достаточно большое количество дел (в отношении клириков и мирян Астраханской епархии) необычного содержания. Например, в декабре 1923 года был арестован бывший ключарь Успенского собора, протоиерей Дмитрий Стефановский, который обвинялся «за торговлю мощей Иосифа убиенного и торговлю чудес-предсказаний».

Новая волна репрессий против астраханских священнослужителей началась в 1927 г. Причиной этому стало служение представителями духовенства панихид на могиле расстрелянных в 1919 году архиепископа Митрофана (Краснопольского) и епископа Леонтия (фон Вимпфен). Причем, в начале 20-х годов служение таких панихид считалось возможным, власти относились к этому вполне лояльно. К могиле приезжали и многие астраханские архиереи. До 1927 г. местные власти не обращали внимания на совершение служб на могиле расстрелянных архиереев, но в этом году из Москвы стали поступать более строгие директивы [4, л. 123].

Из всего вышесказанного следует, что в рассматриваемый нами период, государственная власть различного рода репрессивными мерами пыталась ослабить влияние Церкви на обстановку в стране и свести к минимуму какое бы то ни было сопротивление своей политике. Это, как мы видим, претворялось в жизнь через дискредитацию или непосредственное физическое уничтожение иерархов Церкви и рядовых священнослужителей, а также активных прихожан. Рассматриваемый нами вопрос приобретает, конечно, своеобразные региональные черты в Нижневолжском регионе.

Список литературы

1. Астраханские епархиальные ведомости. 1918. № 2–3.
2. ГААО. Ф. 1, оп. 1, д. 408.
3. ГААО. Ф. 1, оп. 1, д. 410.
4. ГААО. Ф. 6, оп. 1, д. 185.